

ЖИЗНЬ ИЛИ СВОБОДА: РАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

СКОРОБОГАТОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ,

СПб филиал ГУ ВШЭ, кафедра институциональной экономики, доцент, к.э.н.

В статье анализируются экономические и социальные предпосылки принудительного труда. Описаны условия, при которых порабощение человека может быть выгодным для хозяина и для самого порабощаемого. Общие закономерности проиллюстрированы на примерах из прошлого и современных реалиях.

Ключевые слова: рабство; принудительный труд; крепостничество; миграция; социальная смерть; демократия; организация труда

Коды классификатора JEL: B52, N30.

*... которые от страха смерти через всю жизнь
были подвержены рабству*

Евр. 2:15

Рабство относится к числу наиболее двусмысленных и загадочных институтов. Оно плохо вписывается в какие-либо хронологические рамки, ибо, хотя и можно выделить ярко выраженные рабовладельческие эпохи, его функционирование этими эпохами отнюдь не ограничивается и в неявном виде или в иной форме без труда обнаруживается и в совсем другие исторические периоды. Неоднозначно его экономическое значение, потому что, вызывая в каких-то случаях вполне справедливые нарекания, во многих других, весьма разнообразных, случаях оно демонстрировало самые блестящие результаты. Его почти невозможно связать с каким-либо определенным социально-политическим контекстом, поскольку оно оказывалось востребованным и целесообразным при самых разных общественных системах, от демократических до авторитарных и от примитивных до очень сложных. Замешательство может вызывать и тот факт, что ориентация на рабский труд нередко была более выраженной у обществ, отличавшихся принципиальной приверженностью защите политических и экономических свобод, сравнительно с авторитарными режимами, которым трудно приписать заботу о человеческом достоинстве. Наконец, не так-то просто дать рабству и однозначную моральную оценку, что становится заметно хотя бы по тому разнообразию в отношении к нему, которое обнаруживало христианство в своей истории, от терпимого и даже поощрительного до непримиримого.

Характерные для современной западной цивилизации гарантии сохранения каждому гражданину жизни и свободы и моральное осуждение рабства — явления сравнительно новые. Основную часть своей истории человечество прожило, считая рабство вполне приемлемым для себя институтом, что вряд ли вяжется с распространенным сегодня представлением о нем как о сугубо архаичной организационной форме, несовместимой с экономической эффективностью, демократической системой и человечностью. Конечно, рабство — не тот институт, который должен вызывать у нас симпатию, но без понимания условий, его порождающих, и его восприятия участниками соответствующих социальных отношений, вероятно, нельзя как следует разобраться ни в прошлом, ни в том, как современные развитые общества достигли своего нынешнего состояния.

Целью настоящей статьи является обобщение условий, при которых рабство или иные формы принудительного труда становятся эффективными и приемлемыми способами организации. Следует также разобраться в том, какими соображениями определяется выбор между различными системами организации труда, включая разные формы принуждения. Наконец, необходимо посмотреть, насколько описанные взаимосвязи подходят для объяснения принудительного труда, как он встречается в истории вплоть до нашего времени.

Формы принудительного труда в истории

Для начала имеет смысл четко отделить друг от друга основные формы принуждения, в частности, рабство, крепостничество, косвенное (в том числе экономическое) принуждение и трудовую повинность.

Рабство

В случае рабства имеет место личная зависимость, при которой человек является собственностью своего хозяина — индивидуального или коллективного — и в рамках существующих правил тот может распоряжаться этим человеком по своему усмотрению. То, что хозяин может быть как индивидуальным, так и коллективным, связано с возможностью не только частного, но и государственного рабства.

В Египте, в эпоху Среднего Царства, государственные рабы были заняты в обширном погребальном хозяйстве фараона, которое требовало большого количества высококвалифицированного труда. Частное же рабовладение имело патриархальный характер: оно предполагало использование рабов в домашних хозяйствах и могло иметь значение лишь для удовлетворения потребностей отдельных семей, поэтому их эксплуатация должна была быть весьма умеренной, а отношение к ним — как к младшим членам семьи¹. Патриархальное рабство органично дополняло рабство государственное, поскольку являлось клеткой иерархического общества, построенной по иерархическому же принципу. В данном случае и общество, и семья мыслились как единое целое, разумное устройство которого требует надлежащего распределения функций между членами общества/семьи и, тем самым, субординации.

Государственное рабство пыльным цветом расцвело в XX в. при коммунистическом и, отчасти, нацистском режимах с их системами лагерей, обитатели которых могли использоваться в хозяйственных целях. Интересно, что советская система, как и древнеегипетская, предусматривала использование не только примитивного, но и высококвалифицированного рабского труда.

В античную эпоху приобретает значение еще один вид рабства — «классический», — особенность которого в том, что он одновременно предполагает частную собственность на рабов и их специализированное использование в целях изготовления товарной продукции. Прогресс общества здесь выражается в создании упорядоченной рабовладельческой системы, связанной с глубоким разделением труда, широким развитием рынка и четко установленными правами собственности. И можно сказать, что специализированный рабский труд и связанная с ним рыночная торговля — это та основа, которой античная цивилизация, по крайней мере, частично, обязана своими экономическими, политическими и культурными достижениями².

Вместе с тем, те доверительные отношения между хозяином и рабом, которые характеризуют патриархальное рабство, в данном случае уступают место «классовому антагонизму», поскольку специализация и рыночная торговля открывают для рабовладельца неограниченные возможности обогащения за счет эксплуатации рабского труда. Прибавочный продукт, создаваемый рабом, в рамках рынка подлежит обмену на деньги, которые, в свою очередь, будут накапливаться и увеличивать могущество хозяина. При отсутствии рынка всякий излишек подлежал бы потреблению, что весьма ограничивало бы стимулы к эксплуатации.

Классическое рабство начало затухать одновременно с нарастанием кризисных тенденций в Римской империи в III в. по причине исчезновения источника новых рабов в виде победоносных войн (Кулишер 2004а, 60). Немалый урон данному институту нанесло и снижение безопасности путей сообщения, вызванное вынужденной опорой империи в обороне границ на федератов — «наполовину романизированные» армии германских варваров. Это создало «фрагментацию» экономики, способствовавшую нарушению торговых связей и, через это, — уменьшению как доступности рабского труда, так и возможности выгодной продажи его результатов (Blackburn 1997, 67). Однако, несмотря на вызванный всем этим упадок крупных специализированных хозяйств, полностью такое специализированное рабство никогда ни

¹ Увидеть изнутри отношения между такого рода рабами и их хозяевами позволяет книга «Бытия» Ветхого завета, в которой Патриархи — Авраам, Исаак, Иаков — выступают как обладатели рабов, но последние воспринимаются и их хозяевами, и ими самими как члены семьи, всецело преданные ее интересам. Особенно характерен в этой связи рассказ 24 главы — о далеком путешествии авраамова раба в поисках невесты для его сына.

² Еще возникает интересная параллель — на уровень развития античного общества Западная Европа вышла в Новое время (Немировский 2000, 443; North 1981, 158), и именно в этот период снова возрождается рабство как структурообразующий институт, поддерживавший развитие капитализма (Engelman 1986, 321).

исчезало. Оно продолжало оставаться важным институтом в Византии, а также в ранних варварских королевствах, например, в испанском королевстве Вестготов.

В известном смысле, американское рабство Нового времени можно рассматривать как продолжение непрерывной традиции, восходящей к античным временам (Blackburn 1997, 65). Платационная система в Атлантике вкупе с поддерживавшей ее работорговлей находилась в глубокой преемственной связи с аналогичным Средиземноморским бизнесом. Эта атлантическая система сложилась в результате перемещения соответствующей деятельности из Круга земель (как называли римляне Средиземноморье), ставшего необходимым в результате турецких завоеваний³.

Крепостничество

Крепостничество имеет место в случае поземельной зависимости или, шире, прикрепленности человека к рабочему месту. Скажем, крепостной крестьянин обязан трудиться на определенном участке земли, и его зависимость от помещика является уже не прямой, как между рабовладельцем и рабом, а опосредованной землей как «рабочим местом» крестьянина и источником служебного вознаграждения для помещика. Если зависимость раба от рабовладельца сохраняется практически при любых условиях — независимо от местопребывания, службы рабовладельца и т. д., — то отношения помещика и крепостного имеют характер служебных назначений, при которых крестьянин оказывается в подчинении у данного помещика до тех пор, пока остаются в силе соответствующие назначения.

В Средние века, после падения Западной части Римской империи и, соответственно, упадка рыночных отношений, в большинстве стран Западной Европы классическое рабство в качестве господствующего института было вытеснено патриархальным рабством и крепостничеством. Значение сервов (рабов), как и полагается в случае патриархального рабства, заключалось в выполнении ими функций домашней прислуги, в полевых, но не крупномасштабных работах и укреплении локальной власти хозяина (Blackburn 1997, 70), тогда как социальной ролью вилланов (крепостных) было то, что их существование обеспечивало действенность вассалитета.

Оба этих вида принудительного труда в Западной Европе стали приходить в упадок после приступа Черной смерти в XIV в. — в результате возникновения сравнительной редкости рабочей силы и вызванной этим конкуренцией между землевладельцами за рабочие руки. В Восточной Европе, в том числе в России, вытеснение рабства набиравшей силу крепостной системой происходило уже тогда, когда на Западе схожая система ушла в прошлое.

В нашей стране крепостничество обрело свой классический вид в отношениях между помещиком, получающим землю в обмен на несение военной службы, и крестьянином, назначаемым государством на работу на этой земле. Однако использование данного вида принуждения не ограничивалось сельскими видами деятельности. Так, при организации Петром I мануфактурной промышленности в ней были заняты в основном крепостные рабочие, что стало отличительной особенностью мануфактурного периода российской экономической истории. Еще больший размах крепостные отношения приобрели в советский период, когда в промышленности до 1956 г., а в сельском хозяйстве до 1965 г. работники были прикреплены к своим рабочим местам (Верг 2006, 415, 461).

Косвенное принуждение

Еще один вид принуждения к труду, названный классиками марксизма «экономическим принуждением» или «фабричным рабством» (Энгельс 1955, 379), а в современной литературе — «зарплатным рабством» (Fenoaltea 1984, 663), предполагает, что рабочий будет трудиться на самых невыгодных условиях по причине отсутствия альтернативного источника

³ Круг земель дважды блокировался для христианской торговли — арабами начиная с VII в. и османами с XV в. И в каждом случае торговая жизнь отливалась из Средиземноморья в другие области. В первый раз — это активизация Балтики и Черного моря, а в некоторой перспективе также и всей Северной Европы, сообщающейся по Балтийскому и Северному морям. Во втором случае имевшийся в Средиземноморье рабовладельческо-плантационный бизнес вновь был вынужден переместиться в Атлантику и, переместившись, приобрел еще больший, поистине глобальный, размах. И если с Древности и до Нового времени цивилизация концентрировалась вокруг Средиземного моря, то с началом Нового времени — вокруг Атлантического океана. Средиземноморью и Атлантике как кругам земель Древнего и Нового мира соответствуют и мировые языки, каковыми в предыдущую эпоху были греческий и латынь, а в нынешнюю — английский и испанский.

пропитания (Энгельс 1955, 312). Такое положение может возникнуть в условиях избытка рабочей силы относительно других факторов производства — капитала и/или земли. Классическое «зарплатное рабовладение» имело место в Англии XIX в., когда пролетариат при сравнительной редкости капитала находился в условиях, едва ли не худших, чем рабы на хлопковых плантациях Нового света⁴. Редкость капитала, по объяснению Энгельса, была связана с непрерывным усовершенствованием машинной техники, приводившим к уменьшению относительной отдачи как ручного труда, так и труда с использованием морально устаревших машин (Энгельс 1955, 370).

Хотя концепцию «экономического принуждения» принято использовать лишь применительно к индустриальному капитализму, нечто подобное можно обнаружить и в более ранних и совсем других общественных системах (Finley 1985, 66; Engerman 1986, 323, 335-338), в связи с чем ее имеет смысл обобщить до любого принуждения, осуществляемого через контроль над жизненно важными ресурсами. Этот вид принуждения можно обозначить термином «косвенное принуждение», поскольку оно не предполагает необходимости в прямом физическом насилии, но связано при этом не только с экономическими условиями существования.

Среди тех разнообразных отношений, которые принято располагать под рубрикой «феодалные» и, соответственно, относить к «внеэкономическому принуждению», можно найти немало видов зависимости, не требующей прямого физического насилия. Например, мельница уже ставила крестьянина в зависимость от ее владельца (Кулишер 2004а, 91). Но гораздо более важным фактором косвенного принуждения был силовой потенциал.

И в наше время в любом коллективе, где отношения строятся по соотношению физических сил, — в тюрьме, в армии и т. д. — слабый может приобрести некоторую неуязвимость, став другом сильного, но эта дружба будет стоить ему некоторой части его свободы. Если взять общий хаос европейских «темных веков» или тревожную обстановку, в которой прошла основная часть сельской истории России, то будет нетрудно обнаружить, что множество опасностей от «лихих людей» для легко уязвимых крестьян ставило их в зависимость от покровительства сильных и богатых и без всякого прямого их принуждения. В западноевропейском обществе эта зависимость принимала форму патроната, восходящего к древнеримским аналогам, а на Руси — закладничества (Кулишер 2004b, 85-87).

Институт закладничества в России, по-видимому, существовал во все периоды ее истории вплоть до нашего времени, что объясняется недостаточностью действий государства по защите прав и свобод своих подданных. С древности и, видимо, до сих пор в качестве патронов для бедных и слабых выступали архиереи, монастыри и приходы, что было связано отчасти с христианской заботой о ближнем, а отчасти — с «взаимовыгодным обменом» покровительства того или иного церковного начальника на некоторую часть свободы простого человека (North and Thomas 1971). Другими разновидностями патронов всегда были светские лица, располагавшие достаточным для этого силовым потенциалом. В удельной Руси таковыми могли становиться бояре или князья. Закладнические отношения в это время могли выражаться и в формировании городов как последовательного возникновения городища (укрепленного места) и посада (поселения простого населения вокруг него). В последующие же периоды эти функции могли выполнять государственные чиновники и крупные землевладельцы, а в советское и постсоветское время — также и криминальные авторитеты.

В Англии в Новое время развитие аграрного капитализма способствовало превращению «serflords» в «landlords», т.е. благодаря развитию суконной отрасли и развитию национальных государств, главным стало уже не обладание военной силой или мельницей, а земля в качестве пастбища. Простое же население превращалось в арендаторов. Но, опять-таки, поскольку земля была жизненно важным ресурсом, едва ли эти отношения «аренды» следует считать совершенно безобидными для человеческой свободы.

Отработочная повинность

Отработочная повинность имеет место в тех случаях, когда человек, наряду со своей основной деятельностью, принуждается государством (единовременно или с некоторой периодичностью) участвовать в каких-либо общественных работах. Данный вид принудительного

⁴ Описание жизни рабочих — их рациона питания, одежды, жилищ, нравов, районов их проживания, посещаемых ими лавок и условий труда — см., например, в главе «Большие города» в (Энгельс 1955).

труда обычно ассоциируется с «азиатским способом производства», т. е. с государствами Древнего Востока, в которых каждый член общества был обязан в течение известной части года покинуть свое хозяйство ради участия в общественных работах, таких, как строительство ирригационных сооружений, пирамид (в Египте) или зиккуратов (в Междуречье). В наше время ярким примером этого вида принуждения является воинская повинность, которая все-таки требует от человека определенного труда — учебного, военного или же хозяйственного значения. В советское время в нашей стране помимо воинской повинности государством активно использовалась и отработочная повинность применительно чуть ли не ко всем слоям населения. Работа студентов в стройотрядах и колхозах, использование рабочих, инженеров и научных работников на овощебазах и прочих агропредприятиях — типичные явления советской жизни, являющиеся примером данной разновидности принудительного труда.

История принудительного труда выглядит как волнообразный процесс, в разное время захватывающий разные регионы, в которых рабство то возникает, то сменяется более мягкими формами принуждения, то совершенно исчезает. Смягчение принудительного труда в одних местах сопровождается его ужесточением в других местах — как будто какая-то часть мирового населения всегда должна обслуживать другую часть населения, и этот жребий в течение истории передается от одних народов и социальных слоев другим. Так, пришедшая на смену иерархическим обществам с развитым государственным рабовладением в Средиземноморье и (частично) на Ближнем Востоке полисная система с характерной для нее республиканской структурой привела лишь к изменению господствующей формы принудительного труда и изменению в его географическом размещении. Повсеместное запустение в Западной Европе, пришедшее вслед за упразднением Римской империи на этой территории, способствовало смене классического рабства патриархальными и крепостническими отношениями, что, видимо, знаменовало существенное ослабление узды на принуждаемых к труду социальных низах. Упадок патриархального рабства и крепостничества в западно-европейских странах сопровождался возрождением в Средиземноморье (не только античного искусства, но и рабовладения) в форме плантационных хозяйств. Позднее освоение Нового Света привело к переносу туда средиземноморской плантационной системы. В России же прогресс экономики и государства шел параллельно с постепенным превращением холопского люда в крепостное сословье, что, однако, скорее усугубляло их положение.

Условия, определяющие экономическую целесообразность принудительного труда

В общем случае, рациональный выбор между различными формами организации определяется сравнительной разницей между затратами и результатами. Соответственно, рабство будет экономически оправдано в тех обстоятельствах и видах деятельности, в которых затраты на рабов были бы меньше, чем на вольных работников, а/или отдача от них превышала бы отдачу от свободных. Также — и в случае любой другой формы принудительного труда. Затраты, связанные с рабским трудом, складываются из цены, издержек содержания, издержек контроля (над производством и потреблением) и поощрительного вознаграждения рабов. Возможность бесплатно или дешево обзавестись рабом в истории уже многократно приводила к возникновению рабовладельческих хозяйств, и поэтому низкая/нулевая цена раба может быть достаточной причиной для возникновения рабства, в связи с чем данный фактор имеет смысл рассмотреть подробнее.

Рабство как альтернатива смерти

Едва ли не в большинстве случаев рабства, о которых известно из истории, оно возникало в условиях, когда единственной альтернативой порабощения оказывалась смерть. С такой альтернативой человек сталкивается в условиях нищеты или войны — когда со свободой его вынуждают расстаться перспектива голодной смерти или плен. Эти две категории людей объединяет наличие дилеммы между жизнью и свободой. Нищета ставит человека в зависимость от поддержки других людей, и эта поддержка может быть оказана в обмен на его свободу. В случае войны возникает вопрос, что делать с потенциально враждебным населением — логика войны побуждает его уничтожить, а рациональные соображения заставляют видеть в нем фактор производства. В обоих случаях рабство становится

возможным благодаря наличию группы людей, фактические права на жизнь которых принадлежат другим людям: победителям в случае войны и богатым в случае нищеты⁵. Войны, разбойничьи рейды и нищета, постоянно пополняя разряд приговоренных к смерти нищетой или захватом в плен, будут обеспечивать доступные цены на рабов для их потенциальных хозяев (Engerman 1973, 55, 60). Еще один фактор — развитая работорговля, благодаря которой локальная доступность рабов, вызванная войной или иными причинами, распространяется на обширной территории, становясь повсеместной.

Едва ли не во всех известных из истории значительных рабовладельческих системах альтернатива смерти имела ключевое значение для их воспроизводства. Так, античное рабство сохранялось в основном постольку, поскольку греки или римляне вели успешные войны. В Риме наибольшая доступность рабов приходится, по-видимому, на завершающую фазу республиканского периода — время самых успешных войн и роста территории за счет присоединения богатых стран Средиземноморья. На это же время приходятся и труды Катона Старшего по организации рабовладельческого хозяйства, известные своей практичностью и крайним бесчеловечием в отношении «живого капитала» — легкостью, с которой даются рекомендации отправлять их в последний путь на «остров Эскулапа», что, помимо всего прочего, объясняется и их дешевизной (Fenoaltea 1984, 640; Немировский 2000, 67-70). Позднее же упадок рабства происходил по причине уменьшения их предложения, вызванного окончанием военных триумфов вкупе с разрывом рыночных связей и, соответственно, прекращением поставок рабов в рамках работорговли на дальние расстояния.

Зависимость между войнами и использованием рабского труда обнаруживалась в Средиземноморье и в позднем Средневековье, когда Крестовые походы и разнообразные войны, с ними связанные, способствовали формированию в этом регионе рабовладельческих плантационных хозяйств. Подобным образом и рабство в Новом свете было обязано войнам и разбойничьим рейдам, имевшим место, правда, в Африке, где вожди племен, воевавших с другими племенами или же совершавших разбойничьи набеги, располагали большим количеством пленников. При возникновении в Новом свете потребности в рабочей силе Африка в лице вождей племен представляла собой готового поставщика рабов на крайне выгодных для европейцев условиях⁶.

Косвенное принуждение как альтернатива смерти

Если избыток на невольничьем рынке воспроизводит формальное рабство, то избыток на рынке труда может порождать рабство «зарплатное». В обоих случаях достаточной причиной рабства является нищета, связанная с относительной редкостью земли и/или капитала. В этом отношении зарплатное рабство и прочие виды рабства, вызванного отсутствием у человека средств существования, близко по характеру к долговому рабству. Здесь даже можно выделить определенную шкалу отношений, где крайними типами будут рабство пленников и зарплатное рабство, а между ними — долговое рабство. Крайние типы отличаются друг от друга тем, что в последнем случае человек формально сам принимает решение и о вступлении отношений со своим хозяином, и о их продолжении, тогда как в первом случае эти решения принимаются за него. В промежуточном же случае долгового рабства человек сам принимает решение о поступлении в рабство, но впоследствии уже не может решать, оставаться ли ему в рабах.

Для уяснения разницы между «зарплатным рабством» и вполне вольнонаемным трудом может быть полезным рассуждать от противного — понимания труда, развитого Джевон-

⁵ Здесь требуются определенные оговорки относительно социальных условий, а именно нищета порождает рабство при наличии относительно богатого класса, если же общество настолько бедно, что не может себе позволить богатых, нищета с необходимостью будет заканчиваться смертью без возможности ее избежания путем самопродажи. Еще одно условие — рабство должно быть экономически целесообразным для потенциальных рабовладельцев. Когда за небольшую зарплату можно нанять труд по 16 часов без выходных (как это было в эпоху промышленного переворота), или же если в рабочих руках нет нужды, нищета также не будет заканчиваться формальной утратой личной свободы (Engerman 1973, 57).

⁶ По мнению Вудворда, работорговля в некотором роде отвечала интересам и самих африканских невольников: «рабовладельческая система, если и принесла кому-то выгоду, то только неграм, поскольку она послужила в качестве великолепной школы обучения для африканских дикарей. Хотя режим рабовладельческих плантаций и был строгим, в целом, он был щадящим по сравнению с тем режимом, который рабы испытывали на родине (мужчины там использовались в качестве военной силы, а женщины — в полевых работах и в производстве потомства — А. С. См. Blackburn 1997, 100). Он привил им дисциплину, чистоту и нравственные понятия». Цит. по Davis 2000, 455-456. Данная мысль находит подтверждение и в отмечаемой Броделем «перегруженности людьми», от которой Африка освобождалась посредством их продажи (1992, 448).

сом (Розмаинский и Холодилилин 2000, гл. 5]. В процессе труда человек «обменивает» свой досуг на более ценные для него блага. Разумеется, что отказаться человек будет готов в первую очередь от тех единиц досуга, которые не представляют для него большой ценности. Это единицы, менее ценные по сравнению с самим трудом (как источником удовлетворения), так что, обменивая их на блага, человек получает выигрыш, не только поскольку потребляет, но и поскольку трудится. То же самое будет и с единицами, менее ценными лишь по сравнению с благами, но не с трудом. Таким образом, время — это ресурс, принадлежащий человеку и используемый им для максимизации полезности, получаемой им через труд, досуг и потребление. Предложенная одним из отцов современной экономической теории концепция труда выглядит как подлинный апофеоз свободы личности: человек сам выбирает, что и сколько ему делать и потреблять.

Таким образом, об одном и том же наемном работнике можно рассуждать и в категориях Джевонса, предполагающих его полную свободу, и в категориях «зарплатного рабства». Это ставит вопрос о границах рабства: где оно начинается и где заканчивается? почему человек, самостоятельно выбирающий между трудом и досугом, исходя из соображений максимизации полезности, все равно может оказаться рабом?

Прежде всего, следует учитывать, что хотя человек и выбирает между трудом и досугом, характер этого выбора различается для разных единиц благ. Предпочтения человека играют главенствующую роль в вопросе о потреблении тех благ, которые улучшают жизнь, однако когда речь идет о благах, от которых зависит само наличие жизни в человеке, логика «выбора» иная. Человек выбирает между досугом и благами, *улучшающими его жизнь*, но он, как правило, не выбирает между досугом и благами, *сообщающими ему жизнь*, т.е. человек не выбирает между досугом и смертью. Таким образом, джевонсовская теория выбора может объяснять поведение человека, которому гарантирован минимум средств существования.

Действительно, если сохранение жизни человеку обеспечено, скажем, достаточным размером пенсии или пособия по безработице, дальнейшие решения человека относительно труда вполне можно описать в терминах максимизации полезности. Но наличие гарантии сохранения жизни в истории является скорее исключением, чем правилом. И первая забота типичного представителя людской массы в истории — это забота не об улучшении жизни, а о ее сохранении. Таким образом, *смертность человека является первой и неизбывной предпосылкой рабства*.

Человек становится рабом, если контроль над источником сохранения его жизни находится в руках другого человека или людей. Соответственно, рабство предполагает наличие в обществе двух классов, один из которых фактически лишен права распоряжаться собственной жизнью, а другой этим правом располагает и готов им воспользоваться в собственных интересах. Если рабочий идет на завод, поскольку это единственная возможность выжить, вполне можно говорить о принуждении, причем не менее жестком, чем в случае формального рабства, пусть оно и создается правами собственности не на человека, а на неодушевленное имущество. С этой точки зрения и можно говорить о рабстве в случае рабочего, получающего минимум, с тем же правом, что и о рабстве в формально-юридическом смысле.

Как пишет Энгельс, «существование раба, по крайней мере, обеспечено личной выгодой его владельца; у крепостного всё же есть кусок земли, который его кормит; оба они гарантированы, по меньшей мере, от голодной смерти; а пролетарий предоставлен исключительно самому себе и в то же время ему не дают так применить свои силы, чтобы он мог на них целиком рассчитывать» (1955, 349). Выходит, что в условиях, когда ни сам человек, ни общество не могут обеспечить ему сохранение жизни, а, помимо куска хлеба, оно требует еще защиты и медицинского обслуживания, несвободное состояние может давать известные преимущества, связанные с заинтересованностью в его выживании не только его самого, как это было бы при наличии у него свободы, но и его хозяина. Данная закономерность справедлива не только для эпохи английской индустриализации, о которой писал Энгельс, но и для других эпох и отношений, характеризующихся отсутствием у части общества контроля над основными условиями выживания.

В зависимости, основанной на потребности простых людей в защите, Норт и Томас видели взаимовыгодный обмен между патроном и клиентом, феодалом и крестьянином — обмен дани на защиту (North and Thomas 1971, 780]. Но этот «взаимовыгодный обмен» очень напоминает обмен между фабрикантом и рабочим в условиях зарплатного рабства. И здесь имеет смысл снова повторить, что обмен можно считать по-настоящему свободным тогда, когда отказ от него не создает угрозы жизни ни одной из сторон. На это обратил внимание С. Феноальтеа при анализе нортовского подхода к манориальной системе, указав на сугубо асимметричное распределение выгод от взаимодействия крестьян и феодалов (Fenoaltea 1975; North 1981, 130; McGuire and Olson 1996).

Чистая текущая отдача от принудительного труда

Когда раба уже удалось заполучить, последующие чистые выгоды от него определяются соотношением текущей отдачи и эксплуатационных и стимулирующих издержек (Engelman 1973, 47). В американской научной литературе при обсуждении чистого выигрыша от рабства внимание нередко приковывается к той или иной из этих переменных. Так, в известной статье, посвященной анализу рабства, Й. Барцель указывает на то, что раба, если сравнивать его со свободным, можно принудить к более интенсивному и продолжительному труду, а платить ему лишь прожиточный минимум (Barzel 1977), соответствующий его текущим трудовым затратам. В более широком смысле, это предполагает также возможность выгодного использования рабов на тяжелых, вредных, неприятных или унижительных работах (Fenoaltea 1984, 655-656).

Еще одна классическая идея в этой области была развита Е. Домаром, указывавшим на то, что стимулом к порабощению может быть относительная редкость труда, обещающая высокую отдачу от подневольного работника. В приведенных им примерах закрепощения крестьян в Московской Руси и Речи Посполитой, а также рабства в Новом Свете, он обращал внимание именно на избыток в этих странах земли сравнительно с трудом, что для потенциального поработителя означало высокую отдачу от порабощения, а для порабощаемого — возможность обеспечить себя без помощи землевладельца, каковым он и сам легко мог бы стать, в результате чего добровольно привлечь работника можно было бы лишь за высокую плату (Domar 1970).

Экономическая целесообразность интенсивного/продолжительного/неприятного и т.д. труда определяется также степенью его специализированности и вовлеченностью в торговлю, поскольку последняя создает условия для извлечения выгоды из человека как от товара или как от капитала. Как уже говорилось, нарушение рыночных связей в эпоху кризиса Римской империи создало у бывших специализированных хозяйств ориентацию на самообеспечение, и, тем самым, лишило их стимула к жесткой эксплуатации рабского труда, чем, вероятно, наряду с прочими причинами, можно объяснить и переход к колонату. На смену Риму в Средние века приходят варварские королевства. Европа постоянно испытывает наплывы все новых и новых народов, и связанные с этим войны создают постоянное предложение рабов. Но по причине отсутствия развитого рынка серьезного хозяйственного значения они не имели. И, наоборот, при ориентации рабовладельческого производства на рынок — в греческих полисах и в Риме в периоды их расцвета, в средиземноморских колониях итальянских торговых республик позднего Средневековья, наконец, в Новом свете — порабощение человека сулило серьезные выгоды.

Но все эти выгоды — связанные с необходимостью интенсивного/неприятного труда или его высокой отдачей — вполне можно свести к экономии на оплате труда (Engelman 1973, 54). Ведь за надлежащее вознаграждение обычно можно найти людей, готовых выполнять любую работу в плане как ее содержания, так и количества.

Если сильной стороной рабства по части текущих затрат является низкое вознаграждение, тяготеющее к прожиточному минимуму, в обмен на сколь угодно дорогой труд, то его слабой стороной является чрезвычайно остро стоящая агентская проблема. У раба не только, как и у наемного работника, нет внутреннего стимула «заботиться» о пользе поручаемого ему дела, но вдобавок к этому у него еще имеется повод таить злобу на хозяина. Следовательно, обратной стороной экономии на оплате труда являются высокие издержки контроля⁷, и рабство обеспечит экономии рабовладельцу, только если ему удастся эффективно и дешево организовать надзор. В случае рабства проблема заключается в том, чтобы следить не только за выполнением работ, но и за потреблением работников, поскольку их рациональное использование предполагает некое оптимальное соотношение их загрузки и содержания. Содержания именно в плане работоспособности, а не удовольствия, тогда как предпочтения рабов здесь скорее всего будут прямо противоположными (Barzel 1977, 98).

Высокая значимость контроля в случае рабства позволила Феноальтеа выдвинуть свое условие его эффективности: рабу должны поручаться задания, требующие не столько заботы, сколько (физических) усилий («effort-intensive» против «care-intensive activities») (Fenoaltea 1984, 637-638), поскольку именно усилия легче всего проконтролировать. Под заботой же в данном случае подразумевается невидимое для стороннего наблюдателя отношение человека к делу. Соответственно, там, где это отношение не играет существенной роли в плане влияния на результативность труда, контроль может быть осуществлен сравнительно дешево и рабский труд принесет желаемую экономии. Этим объясняется то, почему принудительный труд зача-

⁷ Данная мысль, только применительно к наемному труду, представляет собой один из главных выводов модели эффективной заработной платы (Скоробогатов 2006, 110-113).

стую не требует от раба высокой квалификации, поскольку, как правило, более квалифицированный труд является и более «заботоинтенсивным».

Описанные теории хорошо объясняют многие случаи рабства, которые имели место в истории. Плантационные хозяйства в Новом свете были высокоэффективны, поскольку требовали большого количества тяжелого физического труда, который именно в силу его простоты было легко контролировать. То же самое можно сказать и об античном рабстве, когда рабы использовались в рудниках, в качестве гребцов или гладиаторов. Советская система Гулага также вполне вписывается в эту схему, когда речь идет о лесоповале, строительстве железных дорог или рытье каналов. Чернокожего раба на хлопковой плантации, римского невольника-рудокопа и советского лагерного эка объединяет то, что они должны были выполнять работы, на которые свободного можно было бы привлечь лишь за очень высокую плату, и при этом надзор за ними не требовал больших затрат.

Но как объяснить те случаи рабства, в которых труд раба не поддается контролю по причине его высокой «заботоинтенсивности» или сложности? В Древнем Риме рабы использовались и в качестве учителей, артистов, управляющих, виноградарей, а ведь все это суть специальности совсем иного рода, чем работа рудокопа. Например, в рабовладельческих хозяйствах в Галлии и Италии было широко развито виноделие, в то время как такая простая операция, как сбор винограда, уже требует равнодушного отношения к труду, поскольку многочисленные сорта винограда созревают в разное время и сборщик урожая не должен жалеть сил, снова и снова обходя виноградники и срывая лишь те гроздья, которые уже вполне созрели (Fenoaltea 1984, 647-648). Немало примеров высококвалифицированного принудительного труда содержится и в советской истории. Среди политических заключенных было множество специалистов в самых разных областях, и именно в этих областях они нередко и использовались, продолжая отбывать свои сроки. Инженеры и ученые работали в «шарашках» — закрытых НИИ, подведомственных разнообразным чекистским органам, — учителя учили, артисты играли, художники писали на заказ, а рабочие высших разрядов реализовывали свое мастерство⁸.

Можно ли объяснить эти факты экономией текущих затрат? Едва ли — и именно по причине высоких издержек контроля/стимулирования. Действительно, если труд раба нельзя проконтролировать — его нельзя к нему насильно принудить, и тогда остается только положительное стимулирование. Это может быть вознаграждение сверх прожиточного минимума, участие в прибылях от успеха проекта, наконец — перспектива освобождения⁹. Результатом неизбежно будет тенденция к исчезновению экономии, связанной с собственностью на работника.

Чем же в таких случаях можно объяснить использование рабского труда в отраслях, требующих высокой квалификации и творческого отношения к делу? Поскольку это не оправдано текущими выгодами и затратами, остается только предположить, что порабощение в данном случае происходит, когда единственной альтернативой рабству является смерть. Поскольку наличие такой дилеммы равносильно низкой/нулевой цене раба для рабовладельца, это может компенсировать ему издержки контроля и/или стимулирования раба.

Таким образом, если главная выгода рабства проистекает из экономии на оплате труда за вычетом первоначальной цены раба и издержек контроля, то *основным отличием квалифицированного рабского труда от неквалифицированного является принципиальное требование, чтобы соответствующие рабы доставались их хозяевам дешево или бесплатно*. В противном случае их подневольное состояние не будет приносить никакой выгоды их владельцу. Еще раз следует подчеркнуть, что в случае неквалифицированных невольников их низкая/нулевая цена не играет той роли в качестве рациональной основы их порабощения, поскольку в их случае низкими будут также издержки контроля.

Из этих общих соображений вытекает, что приведенные примеры подневольного использования высококвалифицированных специалистов, вероятнее всего, объясняются их положением в качестве пленных. Действительно, в античном мире войны были едва ли не единственным источником рабов. И в аналогичных примерах из советского времени в соот-

⁸ В произведениях Солженицына «В круге первом», «Раковый корпус» и т.д. можно найти упоминания всех этих и множества других «продвинутых» специальностей, по которым работали советские заключенные.

⁹ Например, в древнеримских рабовладельческих виллах, где большое значение имело виноделие, рабы получали пекулии и трудились на положении колонов, обязанных хозяину лишь фиксированной арендной платой. Другой пример — советские шарашки, где эски содержались в сравнительно комфортных условиях, а в случае успеха какого-либо важного проекта могли быть досрочно освобождены и даже получить поощрение уже на свободе, например, работу, квартиру или сталинскую премию.

ветствующих заключенных следует видеть пленников гражданской войны, перешедшей в фазу скрытой конфронтации¹⁰.

Можно заметить, что человеческой свободе угрожает как избыток рабочей силы, делающий ее дешевой и, потому, выгодной в применении, так и ее редкость, сообщающая ей высокую отдачу и делающая выгодным порабощение человека. Единственное, что хоть как-то защищает человека, — это наделенность человеческим капиталом. Его счастливым свойством является неотчуждаемость от собственника. При этом закабаление обладателя такого капитала тоже невыгодно по причине невозможности полноценного контроля высококвалифицированного труда. Правда, в условиях войны могут быть и такие явления, как порабощение обладателей человеческого капитала. Однако именно в их случае допустимо предполагать тенденцию к их освобождению. Оно может состояться в результате использования их хозяевами положительных стимулов — освобождения как такового или же предоставления возможности скопить некую сумму с целью последующего выкупа, т.к. только в этом случае хозяину для получения от него надлежащей отдачи придется стимулировать его «пряником», тогда как раб, не имеющий ничего, кроме собственной жизни, может быть эффективно простимулирован и кнутом.

Неустойчивость систем принудительного труда

Несмотря на то, что принудительный труд в течение истории был господствующей формой организации, едва ли какая-либо конкретная система обладала внутренней устойчивостью. Во всех случаях рабства как альтернативы смерти оно возникает в результате избытка рабочей силы — избытка сравнительно с факторами производства или условиями жизнедеятельности, монополизированными некоей частью общества. И пока сохраняется этот сравнительный избыток, такая система будет существовать. Прекращение успешных войн, например, может означать и прекращение поставок новых рабов, что вызовет их подорожание и отказ от них в пользу наемного труда или арендаторов, как это было в Риме.

Что касается рабства, вызванного нищетой или отсутствием иных условий существования, будь то долговое, зарплатное, «мельничное» или «крышевое»¹¹ рабство, оно предполагает глубокую поляризацию общества на тех, кто имеет контроль над средствами существования, и всех остальных. Отношения между этими прослойками, действительно, должны иметь «антагонистический характер», что будет создавать угрозу для дальнейшего существования общества. Поэтому в большинстве отдельно взятых обществ с широко развитым принудительным трудом должна иметь место тенденция к его исчезновению в результате формирования государства, защищенных прав собственности и их (хотя бы некоторого) выравнивания. Это связано со следующей исторической закономерностью: чем продолжительнее существование какой-либо общественной прослойки, тем более крепкие позиции она занимает (Blackburn 1997, 68).

Так, в Афинах ради обеспечения гражданского мира Солоном была осуществлена сисахфия — «стряхивание» долгов с неимущих граждан и, тем, избавление их от угрозы порабощения. Плебеи в Риме, начав с положения бесправного негражданского населения, ищущего клиентских отношений с местным населением, благодаря борьбе за свои права достигли полного равноправия с патрициями и, соответственно, возможности участвовать в управлении государством. Также и римские рабы, становясь оседлой, укоренившейся частью населения, постепенно повышали свой статус, приобретая более однородный характер в этническом и семейном смысле и становясь, тем самым, некоей организованной силой, противостоящей рабовладельцам. И это особенно важно, если учесть, что организованная сила, стоявшая за спиной рабовладельцев, все больше испарялась: имперская власть со временем ослабевала и разбавлялась или перекрывалась властями местного значения. Подобным образом и в новой истории постепенно укреплялось положение американских чернокожих рабов, английских рабов, восточноевропейских крепостных и советских заключенных.

¹⁰ Такой взгляд на природу отношений советской власти и заключенных и, шире, всего общества подробно обосновывается в статье (Скоробогатов 2009).

¹¹ В последних двух случаях речь идет об уже упомянутом принуждении, основанном на монопольном контроле над мельницей, средством защиты или любым другим условием жизнедеятельности.

Условия, определяющие психологическую приемлемость принудительного труда

Принудительный труд, как и любой другой институт, держится не только экономической целесообразностью, но и его легитимностью — восприятием как приемлемого института, с точки зрения справедливости, человечности и т.д.¹². При наличии институтов, вызывающих активное отторжение значительной части населения, отмирают либо эти институты, либо их противники. Эксплуатация — важнейший элемент социально-экономической жизни, которого едва ли когда-нибудь удастся избежать. Это явление желательное для многих, но некрасивое и, тем самым, нуждающееся в некоем оправдании.

Социальная смерть

В любом обществе полное рабство требует идеологии, санкционирующей восприятие определенных людей не как цели, а как средства, и, вероятно, самым распространенным способом оправдания рабства в истории было объявление поработанного населения «чужим» — по тем или иным причинам не способным быть полноценной частью общества. Единственное, что остается для такой прослойки, — это оставаться вне общества. Не обязательно территориально, но скорее по роду занятий — таких, которые недостойны гражданина. Это означает, что рабство, в большинстве случаев являющееся альтернативой физической смерти, представляет собой *смерть социальную*.

Став классиками в большинстве сфер жизни и культуры, древние греки дали и классический образец осмысления рабства как социальной смерти, нашедшего замечательное выражение в трудах Аристотеля (Rosivach 1999). Человечество мыслилось как бинарная иерархия господ и рабов, в рамках которой каждый занимает свое место, соответствующее его внутренней природе. Полноценными людьми считались только греки, тогда как все прочие относились к варварам — обладателям неполноценной человеческой природы. Промежуточное положение отводилось греческим женщинам, поскольку их человеческое естество для своей полноты требует мужской власти, и детям, т.к. их природа еще не созрела. Функция господина — управлять и, значит, думать и принимать решения. Функция раба — служить господину своим телом. Другими словами, неполнота человеческой природы варвара в том, что, в отличие от грека, он обладает только телом, тогда как разум в нем присутствует в минимальной степени. Рабы занимают промежуточное положение между скотом и греком, где последний обладает разумом, скотина полностью его лишена, а варвар обладает им лишь в очень небольшой степени, что позволяет ему выполнять простейшие команды.

На чем были основаны такие рассуждения? Самое первое — это греческий язык, незнание которого варварами давало основание грекам приравнивать их к бессловесным животным. Бессловесие тем более драматично, что является выражением логоса, т.е. разума, поскольку и вообще *logos* одновременно означает и слово, и разум, так что эти два понятия легко сливаются воедино и невладение словом оказывается равносильным отсутствию разума. Разумеется, что за время пребывания среди греков варвары знакомились с их языком, но выразить и понять на нем могли лишь самые элементарные и грубые мысли, из-за чего приобретение ими навыков греческого еще больше укрепляло греков в восприятии их в качестве иноприродных им, как полуживотных.

В более общем смысле, такое понимание варваров основывалось на их чужой и, как правило, сравнительно с греками примитивной культуре, на том, что они не принадлежат греческой высшей нации (уже без конкретной ссылки на их обладание логосом), а также на том, что их общества построены на недемократических принципах, допускающих порабощение собственных членов, а значит, признающих их удобоприменимость к выполнению рабских функций.

Как в таком случае воспринимать порабощение греками греческих женщин и детей, практиковавшееся ими во все времена, и греческих мужчин, систематически порабощаемых, начиная с Филиппа Македонского? Природа женщин и детей такова, что они должны находиться под властью главы дома, и если этот глава погибает, они с необходимостью должны перейти под власть кого-то другого, поскольку их природа не позволяет им оставаться самостоятельными. Что касается мужчин, их статус может соответствовать природе, а может не соответствовать, что открывает возможность существования как внизу, так и наверху людей, за-

¹² Именно так применительно к истории Норт определяется понятие «легитимность» (North 1981, 47, 54; Скоробогатов 2007, 73).

нимающих не свое место. Природа варваров (как женщин и детей) не допускает их автономии, что делает необходимым (для них же самих) их порабощение, и поэтому они являются рабами «по природе». Их рабская природа остается в силе независимо от их фактического статуса, и они — рабы, даже если формально свободны¹³. Природа же греческих мужчин повелевает им быть господами, и их порабощение должно создавать рабов не по природе, а «по закону»¹⁴. Поскольку их рабское состояние не соответствует их природе, оно не может быть ни полезным, ни справедливым. Общество лучше всего функционирует, когда каждый занимает свое место, в частности, греки, будучи наделенными разумом, должны управлять, а варвары, не имеющие ничего, кроме своих тел, должны быть орудиями для реализации их решений. Опять-таки, по мысли Аристотеля, грек, ставший рабом, по природе остается свободным. Экономическое обобщение этой мысли состояло бы в том, что общество живет наилучшим образом, когда основано на разделении труда, при котором каждый специализируется на том, что соответствует его «природе», т.е. внутренним склонностям. Разделение же труда, в свою очередь, предполагает не только горизонтальные, но и вертикальные связи, т.е. иерархию.

Схожее обоснование рабства содержалось и в еврейской ветхозаветной религии, жестко отделявшей своих от чужих. Для своих рабство признавалось явлением недопустимым, и если кто-либо из своих попадал в долговое рабство, закон предписывал по прошествии определенного срока его отпускать, что исключало полное закабаление еврея. Для «пришельцев» же предусматривались все возможные виды несвободного состояния без какой-либо перспективы освобождения¹⁵.

Как и очень многие стереотипы древних, на первый взгляд, глубоко расходящиеся с современным видением жизни, эти мысли, в обобщенном виде представляя собой обоснование рабства неполноценностью порабощаемых, вплоть до нашего времени использовались в качестве основания для порабощения. Греческая идеология рабства помогает усвоить мысль о социальной смерти как его сущности во многих обществах. Действительно, рабство предполагает дегуманизацию восприятия определенных людей, которая должна прижиться как в психологическом, так и социальном смысле. Подразделение людей на своих и чужих, на высших и низших, на верных и неверных, на белых и черных, на сынов света и сынов тьмы и т.д. представляют собой разновидности бинарного восприятия мира, оправдывающего сознательное отношение к определенному классу людей не как к цели, а как к средству.

В Средние века ветхозаветная идеология рабства была взята на вооружение мусульманскими обществами, а начиная с эпохи Карла Великого, стала перениматься и латинским христианством. Как ислам, так и средневековое католичество санкционировали рабство как положение, допустимое лишь для неверных и, в качестве воспитательной меры, направленное на их обращение. Впоследствии в христианских обществах на Иберийском полуострове рабство должно было подчеркнуть субординацию между своими и чужими в лице евреев, мусульман и (даже) обращенных (Blackburn 1997, 77, 82). В других странах Западной Европы социальная смерть предусматривалась для преступников и бродяг¹⁶, а также и для негров — на основании восприятия негроидной расы как неполноценной по соображениям, связанным с отличиями их внешнего вида, и, в еще большей степени, библейского проклятия Хама. Таким образом, средневековая Европа идеологически была отлично подготовлена к созданию в Новом свете самой грандиозной рабовладельческой системы в истории.

Россия в период 1762–1861 гг., когда крепостное право не могло быть обосновано государственной необходимостью и представляло собой лишь материальную основу жизни

¹³ Схожие мысли содержатся и в ветхозаветной письменности, где среди четырех вещей, которых не может носить земля, упоминается «раб, когда он делается царем... и служанка, когда она занимает место госпожи своей». Прит. 30:21-23.

¹⁴ То, что человек, по природе свободный, и в рабстве остается таковым, иллюстрируется и в истории Эзопа, который, будучи рабом, должен был думать за хозяина.

¹⁵ В 25 главе книги *Левит* содержится подробное законодательство относительно рабства, важнейшим элементом которого является жесткое отделение «сынов Израилевых» от остальных народов. Потребность хозяйства в рабах и возможности ее удовлетворения предусматриваются в следующих выражениях: «а чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас; также и из детей поселенцев, поселившихся у вас, можете покупать, и из племени их, которое у вас, которое у них родилось в земле вашей, и они могут быть вашей собственностью; можете передавать их в наследство и сынам вашим по себе, как имение; вечно владейте ими, как рабами. А над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом, не господствуйте с жестокостью». Лев. 25:44-46. Здесь следует обратить внимание на «вечное» рабство чужих и возможность «жестокости» обращения с ними, их передачи по наследству или продажи, т.е. их использования, как и любой другой собственности, что исключается для своих.

¹⁶ Т. Мор предлагал заменять ею смертную казнь (Blackburn 1997, 85-87; см. также Бродель 2006, 522-523).

праздного класса, также нуждалась в оправдании порабощения простого населения. В качестве такового, по существу, стало деление общества на лучших и худших. Эти две части разительно отличались друг от друга образованием, языком, фактически исповедуемой верой, образом жизни и внешним видом. Для многих представителей аристократии это стало основанием считать «чумазах»¹⁷ людьми иного, низшего, сорта, что сближает их в этом отношении с древнегреческим отношением к варварам.

В советское время социальная смерть как основание для порабощения достигла невиданных ранее масштабов и была официально санкционирована государством. Марксизм с его идеологией классово-борьбы оказался очень удобным способом отказать части населения в человеческом достоинстве и, тем самым, поработить его. Разрешенным было восприятие советского общества как, по существу, состоящего из одного класса — «трудящихся», что с необходимостью предполагало восприятие остальных как «социально чуждых». В результате и рабство заключенных, и (отчасти) крепостное положение колхозных крестьян оправдывалось их неполноценной классовой природой.

Принуждение как государственная необходимость

Еще один способ обосновать порабощение состоит в оправдании его государственной необходимостью. Общество может отчаянно нуждаться в определенных вещах, таких, как ирригационные сооружения или оборона, заполучить которые можно лишь при мобилизации всех его человеческих ресурсов. И тогда фактическое порабощение низов может быть оправдано тем, что без этого не может быть решена какая-либо общественная задача, и, в то же время, это не будет считаться эксплуатацией, поскольку на всех уровнях иерархии каждый на своем месте служит обществу.

Такое обоснование принудительного труда очень широко использовалось в России, по крайней мере, начиная с эпохи формирования поместной системы и связанного с ним прикрепления крестьян к земле. Принудительные меры в отношении крестьян в данном случае оправдывались необходимостью организации армии перед лицом разнообразных военных опасностей с востока и запада. Закрепощение крестьян было необходимым условием материального содержания служилого сословия, причем содержания не безвозмездного, а в обмен на их службу государству, и вместе с ним, косвенно, самим крестьянам. Таким образом, служение всех всем на своих местах должно было создавать впечатление справедливости, несмотря на использование принудительного труда.

В советское время принудительный труд был практически повсеместным, включая, помимо государственного рабства заключенных, уже упомянутые крепостничество и трудовую повинность. И если в случае заключенных достаточным оправданием их порабощения была их социальная смерть, то в отношении слоев населения, причисляемых к «трудящимся», требовалась иная мотивировка принуждения их к труду. Таковой и стало представление советского общества как системы служения всех всем. Официальная идеология провозглашала, что каждый, от генсека до шахтера, в меру своих способностей выполняет общественный долг, что давало основание считать принудительный труд справедливым — даже более справедливым, чем труд добровольный, поскольку движущим мотивом для всех здесь признавалось служение обществу, а не своекорыстный интерес.

Демократия и иерархия как разные способы обоснования порабощения

Итак, есть две возможности обосновать принуждение: объявить некую прослойку людей «нелюдми» и, тем самым, оправдать их эксплуатацию или же распределить обязанности между членами общества таким образом, чтобы получалась видимость всеобщей и целесообразной работы, предполагающей служение всех всем, при которой нижние звенья, фактически, подвергались бы эксплуатации. Другими словами, оправдание эксплуатации заключается либо в отказе человеческого достоинства эксплуатируемым или же ее представлении в качестве взаимовыгодного обмена. Если эксплуатация — это односторонний поток выгод от одних людей к другим, то нужно отрицать либо человеческое достоинство одной из сторон транзакции, либо ее односторонний характер. В первом случае мы в большинстве случаев получим демократию, предполагающую равенство для своих и эксплуатацию для чужих; во втором случае — иерархическое общество с эксплуатацией низов верхами.

¹⁷ Обозначение социальных низов Рашевичем в рассказе А.П. Чехова «В усадьбе».

В последнем случае члены общества, рассматриваясь как свои, при этом распределяются на разных уровнях иерархии в соответствии со своей необходимой функцией. Люди, находящиеся на низших уровнях, по факту, могут быть настоящими рабами, но, в отличие от рабов, используемых демократиями, они считаются членами общества и, следовательно, их эксплуатация не считается допустимой. С этой точки зрения, иерархические общества, массированно пользующиеся принудительным трудом, кажутся более гуманными, поскольку основываются на принципиально иной идеологии принуждения, которая предполагает служение всех всем на своих местах.

Демократия предполагает стремление к цели в виде блага всех членов общества, но членство в этом обществе отнюдь не гарантировано каждому, а его процветание может быть обусловлено отношением как к средству к тем, кому не посчастливилось получить признание в качестве его членов. В результате именно между демократией и рабством нередко складывалась интимная связь, на что указывают яркие исторические прецеденты в виде средиземноморских и атлантических рабовладельческих республик, а также то, что процессы демократизации нередко шли рука об руку с прогрессирующим развитием классического рабства. Например, реформы Солона, избавив от долгов и, соответственно, от принудительного труда простое гражданское население, вызвали внутренний дефицит рабочей силы, что способствовало развитию в Афинах ориентации на импортируемый рабский труд (Finley 1985, 70). Также и в римской республике ослабление внутренних социальных перегородок — между патрициями и плебеями, между римлянами и италиками и т.д. — происходило одновременно с усилением ее агрессивности и развитием установки на эксплуатацию внешних.

Рабство в современном мире

В современных развитых странах принудительный труд уже давно не играет той роли, какую он играл в сравнительно недалеком прошлом, но, вместе с тем, данный институт пока еще очень далек от искоренения в этих странах, не говоря уже о странах менее благополучных. Не пользуясь поддержкой в виде закона и общественного одобрения, работорговля и рабовладельческие отношения функционируют подпольно, став элементом теневой экономики наряду с торговлей оружием и наркобизнесом. Типичной жертвой является мигрант или, шире, путешественник. Это значит, что решение навсегда или даже временно оставить привычную социальную среду делает человека более уязвимым к порабощению.

Можно ли это объяснить с помощью закономерностей, описанных выше? Имеет смысл повторить, что экономическая целесообразность порабощения человека для поработителя состоит в экономии на оплате труда, каковая может состояться при условии значительной разницы между рыночной заработной платой и издержками содержания раба, его низкой цены и/или низких издержек контроля. Порабощение мигрантов и туристов вполне вписывается в эту модель, поскольку именно в их случае каждое из этих условий так или иначе выполняется. Разница в издержках оплаты труда и содержания раба будет тем больше, чем выше в стране или регионе заработная плата, и это значит, что отдача от порабощения должна быть выше в богатых странах; в то же время именно такие страны привлекают наибольшее число мигрантов и туристов. В сети подпольных работорговцев обычно попадают именно приезжие, а не местные жители, т.к. последние обычно защищены законом и системой связей, что делает их порабощение потенциально дорогим и, соответственно, повышающим их цену; наоборот, приезжий, пока он находится на чужбине, оторван от своих социальных корней, лишен защиты как формальной со стороны родного государства, так и неформальной — со стороны родственников и знакомых, и поработить такого человека можно с гораздо большей безнаказанностью и, следовательно, более низкими издержками. Эти соображения должны иметь еще больший вес в случае мигрантов — людей, решивших навсегда или надолго сменить социальную среду, что нередко говорит об их неблагополучии и незащищенности на родине. Наконец, низкие издержки контроля таких рабов гарантируются примитивным характером их труда. Жертвы порабощения обычно служат хозяевам «своими телами» — женщины в подпольных борделях, а мужчины на тяжелых физических работах.

Конституции и общественное мнение сегодня обычно клеймят работорговлю и рабовладение как преступную деятельность, что, безусловно, ограничивает возможности работорговцев, однако порабощение мигрантов и в плане потенциального сопротивления окружающих навлекает на преступника меньшие издержки. Подразделение людей на своих и чужих по критериям религиозным, этническим, языковым, гражданским и т.д. везде способствует восприя-

тию приезжих как людей второго сорта, из-за чего их порабощение вызывает меньшее осуждение, чем это было бы в отношении своих. Это способствует удешевлению живого товара и, тем самым, может служить дополнительным объяснением того, что опасность порабощения подстерегает человека именно на чужбине. В этом проявляется общая тенденция, состоящая в том, что принадлежность к общине сегодня, как и в прошлом, является определенной гарантией индивидуальной свободы, что автоматически означает отсутствие таковой гарантии у изгоев — людей, оторванных от своих социальных корней и не сумевших или не успевших как следует встроиться в новую среду.

С войной и нищетой как социальными предпосылками порабощения ситуацию путешествующих объединяет неблагополучие и незащищенность многих из них — из-за чего их свобода может оказаться последним достоянием, которое можно обменять на средства существования, — и ограбление слабого сильным, являющееся глубинной причиной всех войн от поножовщины до мировых конфликтов.

Обобщающие замечания

Слова из апостольского послания, приведенные здесь в качестве эпиграфа, содержат мысль о природе рабства, развитие которой было предложено в настоящей статье. Общефилософское суждение о смертности человека как предпосылке его порабощения в данном случае замечательным образом согласуется как с экономическим анализом рабства, так и с его осмыслением в контексте социальной истории. Любые формы несвободы в обществе так или иначе проистекают из стремления человека избежать смерти, и, в этом смысле, каждый в силу своей смертности является потенциальным рабом. Когда отсутствие условий, обеспечивающих человеку выживание, ставят его перед выбором между жизнью и свободой, предпочтение нередко отдается жизни. Продолжая жить физически, человек умирает социально. Однако сама возможность разменять один вид смерти на другой, в восприятии многих гораздо менее страшный, означает расширение возможностей.

Если учесть, что порабощение человека обычно вызывается войнами, нищетой или отсутствием иных условий существования, можно сделать вывод, что личная свобода, которой пользуется значительная часть жителей развитых стран, есть одно из благ экономически процветающей цивилизации, в которой человеку, как правило, гарантированы средства существования (включая защиту), а значит и свобода. Но в менее благополучных странах и даже в неблагополучных регионах некоторых развитых стран контроль над условиями выживания по-прежнему принадлежит лишь избранным, из-за чего свобода относится к предметам роскоши, недоступным для большинства. Простой человек оказывается незащищен и, значит, порабощен, какую бы форму это порабощение ни принимало.

ЛИТЕРАТУРА

- Бродель Ф. (1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 3. Время мира. - М.: Прогресс.
- Бродель Ф. (2006). Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена. - М.: «Весь Мир».
- Верг Н. (2006). История советского государства. - М.: Изд-во «Весь мир».
- Кулишер И.М. (2004а). История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум.
- Кулишер И.М. (2004б). История русского народного хозяйства. - Челябинск: Социум.
- Немировский А.И. (2000). История Древнего мира. Часть 2. - М.: ВЛАДОС.
- Розмаинский И.В., Холодилин К.А. (2000). История экономического анализа на Западе. - СПб.: СПб филиал ГУ ВШЭ (<http://ie.boom.ru/History1.htm>).
- Скоробогатов А.С. (2006). Лекции и задачи по теории контрактов. - СПб.: СПб филиал ГУ-ВШЭ (<http://ie.boom.ru/skorobogatov2/contents.htm>).
- Скоробогатов А.С. (2007). История как предметный мир экономической теории // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, т. 5, №3, 69-84.
- Скоробогатов А.С. (2009). Дилемма диктатора и «проблема царя Ирода»: особенности советской системы принудительного труда // *Экономика и право*. Заостровцев А. П. (ред.) - СПб.: Наука, 139-168.
- Энгельс Ф. (1955). Положение рабочего класса в Англии // Полн. собр. соч. К. Маркса

и Ф. Энгельса. Т. 2, 231-517.

Barzel Y. (1977). An Economic Analysis of Slavery // *Journal of Law and Economics*, Vol. 20, No. 1, 87-110.

Blackburn R. (1997). The Old World Background to European Colonial Slavery // *The William and Mary Quarterly, Third Series*, Vol. 54, No. 1, 65-102.

Domar E.D. (1970). The Causes of Slavery or Serfdom: A Hypothesis // *Journal of Economic History*, Vol. 30, No. 1, 18-32.

Engerman, S.L. (1973). Some Considerations Relating to Property Rights in Man // *Journal of Economic History*, Vol. 33, No. 1, 43-65.

Engerman, S.L. (1986). Slavery and Emancipation in Comparative Perspective: A Look at Some Recent Debates // *Journal of Economic History*, Vol. 46, No. 2, 317-339.

Fenoaltea S. (1975). The Rise and Fall of a Theoretical Model: The Manorial System // *Journal of Economic History*, Vol. 35, No. 2, 386-409.

Fenoaltea S. (1984). Slavery and Supervision in Comparative Perspective: A Model // *Journal of Economic History*, Vol. 44, No. 3, 635-668.

Finley M.I. (1985). *The Ancient Economy*. Sec. ed. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Davis B.D. (2000). Looking at Slavery from Broader Perspectives // *American Historical Review*, Vol. 105, No. 2, 452-466.

McGuire M.C., Olson M. (1996). The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // *Journal of Economic Literature*, Vol. 34, No. 1, 72-96.

North D.C. and Thomas R. (1971). The Rise and Fall of the Manorial System: a Theoretical Model // *Journal of Economic History*, Vol. 31, No. 4, 777-803.

North D. C. (1981). *Structure and Change in Economic History*. New York: W. W. Norton & Company, Inc.

Rosivach V.J. (1999). Enslaving "Barbaroi" and the Athenian Ideology of Slavery // *Zeitschrift für Alte Geschichte*, Vol. 48, No. 2, 129-157.